

Культура, – 1998, – 26 марта – 1 апр. – с. 13

Ангел в дружбе и дьявол в работе

Шестьдесят лет Рудольфу Нурееву

В Санкт-Петербурге состоялся международный симпозиум "Рудольф Нуреев – человек и легенда", организованный Российским институтом истории искусств при содействии Фонда Нуреева. Финансовую поддержку оказали авиакомпания Finnair и лично Михаил Барышников.

...В 1989 году на волне нахлынувшей в России перестройки Рудольф Нуреев по собственной инициативе приехал в Петербург, чтобы снова выйти на сцену Мариинки, танцевать в "Сильфиде" в costume, выбранном им самим среди "рухляди Кировского театра". Иностранцы изумленно столбенели, узнавая великого Нуреева, бредущего в одиночестве по гостиничному холлу – без обычных вокруг него на Западе толп почитателей. На спектакле ему аплодировали, как "заезжему гастролеру", как "кумиру прошлого" и одновременно пожимали плечами: зачем танцует в такой плохой форме? Смертельно больной Нуреев скрывал, что борется за каждый месяц своей жизни.

Он приезжал прощаться со сценой, оставшейся для него главной на протяжении последовавших за побегом тридцати триумфальных лет на Западе. Петербург, конечно, принял его, но, пожалуй, так и не простил независимости, самостоятельности с первых шагов на сцене, импульсивного решения остаться на Западе... Может быть, и того, что никак не был отражен в его завещании? Сегодня начинается возвращение Рудольфа Нуреева в Петербург. Город впервые провел общественную акцию, связанную с его именем, жизнью и творчеством.

В рамках программы симпозиума в Эрмитажном театре прошел концерт звезд Мариинского балета с участием Ульяны Лопаткиной, Дианы Вишневой, Фаруха Рузиматова, Жанны Аюповой, Светланы Захаровой. Участники симпозиума побывали на классе в Мариинском театре. В музее хореографического училища, на выставке, посвященной Нурееву, их принимал директор хореографического училища Л.Надиров, который показал гостям личное дело Нуреева, долгое время хранившееся в КГБ, прочел перечень предметов, изучавшихся в училище, и оценки, полученные Рудольфом. Это личное дело передано теперь музею Вагановского училища.

Для иностранных участников симпозиума мало походил на традиционные юбилейные торжества. Собрались ведущие мировые специалисты, занимающиеся изучением творчества Нуреева, многие из которых были долгие годы его коллегами и друзьями. Вряд ли стоит преувеличивать влияние на творчество Рудольфа Нуреева башкирского балета "Журавлиная песня" – первого его детского театрального впечатления. А вот то, что его, оказавшегося на грани исключения, взял в свой класс в Вагановском училище выдающийся педагог Александр Иванович Пушкин, – несомненно, определило его путь в искусстве. Все, что Нуреев мог почувствовать и открыть в себе, Пушкин помогал ему развивать. Русская преподавательская традиция (кстати, характерная не только для балета) ценна "пошутным", индивидуальным воспитанием. Наставничество в его лучшем виде органично присуще русской педагогической школе.

Нуреев до самого отъезда в Париж в 1961 году жил в семье Александра Пушкина, человека, которого называл вторым отцом и, по свидетельству друзей, боготворил до конца своей жизни. Может быть, именно этим объясняется то глубокое волнение друга и партнерши Нуреева по Лондонскому Королевскому балету Линн Сеймур, с которым во внутреннем дворике Вагановского училища она смотрела на окна квартиры Пушкина. Для нее это была еще одна встреча с жизнью Рудика, о которой он столько ей рассказывал.

Настойчиво внедряемые некоторыми российскими коллегами (и столь же настойчиво отвергаемые его зарубежными коллегами – они

просто хохотали!) миф о грубости Нуреева, его неуправляемом характере, его неуживчивости, очевидно, должен был служить "полуофициальным" объяснением, почему он оказался на Западе. Этот миф продолжает свою жизнь в Петербурге и по сей день.

Вопрос, насколько вынужденным или добровольным было решение Нуреева остаться на Западе, болезнен для Петербурга. И хотя словосочетание "изменник Родины" не было произнесено вслух, в какой-то момент оно как бы носилось в воздухе.

В своем выступлении, восхищаясь талантом Нуреева, вспоминая свою с ним совместную работу в "Лауренсии", Наталья Дудинская не удержалась от упрека: Рудольф подвел театр, труппу, лично Сергеева, отказавшись (!) лететь в Лондон. Пришлось предпринять героические усилия, чтобы не сорвались гастроли, чтобы заменить Нуреева в трех главных партиях.

Трудно сказать, был ли этот упрек привычным ее высказыванием о Нурееве – своеобразным клише, сложившимся на протяжении последних тридцати лет, или сознательной акцией по формированию мифа о неблагодарном по отношению к Родине и коллегам Нурееве. Но всем, в том числе и участникам симпозиума, давно известно (и это подтверждено документально), что соответствующие официальные органы распорядились отправить Нуреева с гастролем в Париже не в Лондон, а в Москву. Решение "не лететь в Лондон" принадлежало отнюдь не Нурееву. Театральная дирекция, даже если бы захотела, вряд ли могла что-нибудь изменить в этой ситуации. По словам самого Нуреева, у него не было ни малейшего сомнения в том, что в Москве его посадят. Может быть, ему и не оставили иной возможности танцевать, кроме как попросив защиты у французских властей.

Есть множество свидетельств вынужденности того "рокового" шага Нуреева. Председатель общества друзей Нуреева А.Ларкье знакомился с секретными французскими документами и материалами. В течение нескольких лет советское правительство оказывало давление на французские власти, требуя выдворения Нуреева. Этим объясняется, почему

Нуреев сразу не танцевал в Париже, а подписал контракт с театром Ковент-Гарден. Только в 1971 году артист впервые смог выступить в Париже на сцене Палле Гарнье.

Очевидно, вокруг этого вопроса могло бы быть сегодня гораздо меньше страстей, если бы после побега на Запад Рудольф Нуреев не был осужден как предатель и заочно приговорен ленинградским судом к семи годам лишения свободы. И этот приговор не отменен по сей день.

К чести организаторов и участников симпозиума, не политические амбиции и не досужие сплетни о частной жизни артиста были главным предметом обсуждения

Отношения Рудольфа Нуреева и Эрика Бруна были рассмотрены с точки зрения творческого влияния, обогащения хореографической техники Рудольфа.

О совместной работе с Нуреевым на балетной сцене рассказывали его бывшие партнерши – Линн Сеймур (Лондонский Королевский балет), Мари-Кристин Муи (Бостонский балет), Линда Майбадук, автор монографии о педагогическом наследии Нуреева (Канадский балет). Все они подчеркивали его невероятную щедрость как учителя и партнера ("Он просто пронесил вас через все трудности", – Линн Сеймур; "Обращался с нами, как с королевскими", – Мари-Кристин), отмечали

его редкостное умение придать партнерше уверенность в себе, помочь ей станцевать не только на пике своих возможностей, но и раскрыть в себе новые качества. Его поддержка, чуткость, энергетика, наконец, были уникальными. По словам Клайва Барнса: "Его власть на сцене была столь велика, что когда он шел к стене, то как будто и не шел вовсе – а притягивал ее к себе". Работу с ним артисты вспоминают как моменты незабываемого счастья. Даже кордебалет с ним танцевал лучше, чем всегда.

Танцовщик, хореограф и друг Рудольфа Мюррей Луис первым в Америке поставил для него современный балетный номер –

"Канарскую Венеру". "Сию в занюханном городишке Питтсбурге. Звонок Нуреева – он готов со мной работать. Меня это шокировало. Я же работал артикуляцией торсом – мы с ним использовали разную кинестетическую лексику! Я подумал: "Неужели я поймал тигра за хвост? И что с ним делать? Может быть, скорее отпустить, пока жив?"

Но мы быстро поладили и подружились. Я говорил ему: "Я в своей технике – мастер. А что ты хочешь? Я вижу, кому и в чем совершенствоваться, а чего хочешь ты, Рудольф?" Он: "Хочу выступать в мюзик-холле". Я: "Хорошо. Но тебе надо будет станцевать на том же уровне, что и я". Мы стали делать "Канарскую Венеру". Ему было непросто: "У вас квадратный ритм, я так не работаю". Моя труппа окружила его заботой. Его пестовали, с ним работали. Я хотел, чтобы у него стал гладкий, "текущий", а не твердокаменный торс. И добился этого. Мы репетировали и танцевали по всему миру... Невозможно сосчитать, сколько "Лебединых озер" я увидел с ним, я бы задавил этих лебедей! И работать вот так, на бегу, больше не возьмусь и никому не посоветую... С нами он перестал играть и позировать. Мы отучили его позировать, давая ему комедийный роли...

Иногда я удивлялся: "Рудик, зачем тебе все это надо?" Он отвечал: "Хочу танцевать так же долго, как ты". Больше всего сожалею, что мне не удалось видеть, как он танцует дольше, чем я". Рассказывал Луис и о работе Нуреева с другими хореографами – Мартой Грэм, Гленом Тэтли, Полом Тейлором.

Грэм им восхищалась. И именно у нее он станцевал свою лучшую роль в современном балете. Когда Нуреев просил у Тэтли дать ему станцевать "Лунного Пьеро", хореограф сопротивлялся: "Мой Пьеро – интраверт, а ты экстраверт. Ты – ангел как друг и истинный дьявол в работе. Ты будешь танцевать, но я не буду менять ничего". Нуреев прославился в "Лунном Пьеро" как лучший интерпретатор хореографии Глена Тэтли.

Непростые "отношения" Нуреева с хореографией Баланчина раскрывались в беседах Джона Тараса – хореографа, работавшего с Баланчиным, издателя жур-

нала "Балет Ревю" Френсиса Мэйсона и автора многих книг о Нурееве, первого балетного критика, взявшего телевизионное интервью у Нуреева для Би-би-си, Клайва Барнса. Нуреева привлекала работа с Баланчиным, но ни один из них не захотел подчинить себя другому. Существует легенда, что Баланчин сказал Нурееву: "Закончишь танцевать своих принцев – тогда приходи ко мне".

Президент Фонда Нуреева сэр Джон Тули рассказал о работе, которую, согласно завещанию Нуреева, проводит фонд. (Судебное разбирательство с родными Нуреева, оспаривавшими его завещание, Европейский фонд выиграл, тогда как счета Американского фонда все еще заморожены). В первую очередь, это оказание творческой помощи молодым российским артистам балета, оплата нескольких лауреатов конкурса в Лозанне и содействие медицинским исследованиям по предотвращению и лечению травм у танцовщиков.

Симпозиум в Петербурге позволил увидеть жизнь и творчество гения XX века как единое целое и в равной мере принадлежащее России и всему мировому балетному искусству. Если Россия открыла и воспитала гениального танцовщика, то Запад дал ему свободу танцевать, как он хотел и что он хотел. Его работоспособность поразительна – на Западе Нуреев танцевал иногда по 250 спектаклей в год. Он сам ставил балеты, но и для него ставили Ф.Аштон, Э.Брун, К.Мак-Миллан, Р.Пети, М.Грэм, М.Луис, Ф.Флиндт и многие другие. Один из выступавших русских с горечью заметил: "А на Мезенцеву, проработавшую в Кировском театре двадцать лет", не было поставлено ни одного балета". Я вспомнила великую Уланову: сколько нереализованных замыслов осталось у нее? И как мечтала она станцевать "Даму с камелиями". Не знаю, кто еще о ком вспомнил в тот момент, но в отношении Нуреева, судя по выражению лиц, многих посетила мысль: а что бы случилось с ним, не вынуди его судьба прыгнуть через ограждение в парижском аэропорту Бурже?

Юлия БОЛЬШАКОВА

Санкт-Петербург – Москва